

Кино и пр. Vol.2

(fabula moderna)

Павел Некрасов

Павел Некрасов

Кино и пр.Vol.2 (fabula moderna)

«Автор»

2025

Некрасов П.

Кино и пр. Vol.2 (fabula moderna) / П. Некрасов — «Автор», 2025

Вторая часть сборника литературных сценариев "Кино и прочее (современный сюжет)". Герои этой части сборника наши современники, попавшие в переплет непростых жизненных ситуаций. Из хитросплетений судьбы они непременно найдут выход. Для широкого круга читателей.

© Некрасов П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Танец ангела (киноповесть)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Павел Некрасов

Кино и пр.Vol.2 (fabula moderna)

Танец ангела (киноповесть)

Ночь. Небо без луны, без облаков. Звезды спокойно мерцают в безмерной дали. Но чтобы увидеть их, нужно уйти с площадей и улиц залитых светом городских огней. Или оказаться среди парка, так похожего ночью на глухие леса.

Перед глазами девочки, очнувшейся посреди городского парка, мелькнул стремительный шлейф. Дороги, тротуары, улицы, аллеи парка, поляны. А потом тишина. Забытье. Ангелы сжалились.

Очнулась она с рассветом на поляне в густой траве. Потрясение от случившегося было таким сильным, что не сразу вспомнила, как оказалась здесь. А когда вспомнила – вновь уткнулась лицом в траву, и плечи ее вздрогнули от горького плача. Перед глазами громоздились призрачные картины. Но она понимала одно – жизнь ее изменилась необратимо. Прошрое, такое ясное, согретое родительским теплом не вернется уже никогда. И вновь оглушило ее воспоминанием вчерашнего дня. От неосязаемого тепла и счастья прошлой жизни ее пока что отделяло всего несколько часов. Но с каждым мгновением бездна, разделившая жизнь Кати Малаховой на «до» и «после», становилась все глубже. В этой бездне кануло все привычное и родное, в ней исчез целый мир. И мир этот не повторится уже никогда.

В этот миг ее душевная боль стала такой невыносимой, что она вновь едва не лишилась чувств.

В то утро она проснулась около девяти. Еще с минуту лежала без движения, разглядывая потолок. Потом с неохотой выбралась из-под одеяла и вышла в коридор.

– Мам! – крикнула, открывая дверь ванной комнаты. – Я кушать хочу!

– Здравствуй, доченька! Завтрак уже готов, – ее мама Валентина Николаевна вышла с кухни.

– Мам, ну сколько раз тебе говорить: не называй меня "доченькой"! – послышался из-за двери капризный голос Кати. – Я уже не ребенок!

– Для меня ты всегда будешь ребенком! – улыбнулась та. – Катя, папа только что позвонил! Я хочу тебя попросить кое о чем, Катенька.

– Ага, давай потом поговорим, – не сразу, но все же отозвалась она.

– Хорошо, дочка, – кивнула Валентина Николаевна. – Поговорим позже.

На этот раз Катя промолчала. Спустя мгновение сквозь шум воды послышалось ее вызывающе громкое пение. Дочь откровенно игнорировала мать. Валентина Николаевна еще немного постояла возле двери и ушла в гостиную.

Здесь смотрела мультфильмы младшая дочь, Соня. Малышке шел третий год. Это был подвижный, сообразительный, к тому же довольно поздний ребенок, в котором родители души не чаяли. Когда Малаховы решили завести второго ребенка, им уже было за сорок.

– Интересненький мультик?

– Про мышку, – ответила Соня.

Для своего возраста она говорила довольно чисто.

– Что это у нас? – улыбнулась Валентина Николаевна. – "Том и Джерри"! Мышка-хулиганка!

Соня забралась к ней на руки, обняла:

– Хочу гулять!

– Сейчас пойдем, – Валентина Николаевна принялась поглаживать ее по спине. – Катю накормим и пойдем с тобой гулять!

А Катя осторожно приоткрыла дверь ванной, оглядела коридор и прошмыгнула в свою комнату. За год после окончания школы, она изменилась не в лучшую сторону. Недавнее еще детское и потому простительное безразличие к интересам и проблемам других людей, незаметно переросло в равнодушие. А родителей в последнее время она и вовсе избегала. Дни проводила с подружками, якобы усиленно готовилась к вступительным экзаменам в институт.

Внешне Катя походила на мать, хотя ни за что бы не признала этого. Такая же невысокая и стройная, черноглазая и темноволосая. Лицо у нее было не скуластое, а просто худенькое и симпатичное. Она с двенадцати лет носила очки. А когда подросла, начала пользоваться контактными линзами.

Как это принято во многих русских домах, к столу она вышла неприбранная в купальном халате и с тюрбаном из махрового полотенца. Обняла мать и выговорила ехидной фальшивой скороговоркой:

– Mamочka, я ведь тебя так люблю!

Пахло от нее цветочным мылом и влажным полотенцем. Валентина Николаевна только сказала:

– Катюша, сколько же можно говорить? Неужели тебе трудно одеться?

– Mamуля, я ведь не в гостях, – не прислушиваясь к ней, выговорила дочь. – Или я так на Бабу-Ягу похожа?

– Ну что ты говоришь?! Но это дурная привычка – вот так появляться на людях.

– Mam, ты опять начинаешь?! Знаешь, как надоело! Семнадцать лет долбите как дятлы: не делай того, не делай этого! Надоело!

– Хорошо-хорошо. Кушай. Я больше не буду.

– На самом ведь деле надоело! – Катя еще раз выплеснула на мать раздражение.

– Мы с Соней в парк собрались, – с улыбкой сказала та. – Прогуляйся с нами.

– Нет, мы с Машкой в библиотеку идем. Mam, дай сто рублей. Мы вечером в кино сходим. В "Салюте" вторую часть про мутантов¹ повторять будут.

– Катя, я хотела поговорить с тобой насчет вечера... – начала Валентина Николаевна, но Катя перебила ее:

– Mam, всего сто рублей! Жалко тебе, что ли?

Они слышали, как в гостиной Соня пытается перекричать бархатный баритон телеведущего: "Здравствуйте, сегодня пятое июня две тысячи третьего года, четверг. Вы смотрите выпуск новостей на нашем телеканале..."

– Нас с папой пригласили на открытие нового магазина.

– Вот еще новость! А я тут причем? – хмыкнула Катя.

– Посмотри сегодня за Соней.

– А если я не соглашусь?!

– Катя, я тебя очень прошу.

– Вы весь вечер этот магазин открывать будете, что ли? – уже с раздражением спросила она. – Что это за праздник такой – открытие магазина?!

– Я тебя очень прошу.

– Не знаю, не знаю! – Катя бросила вилку в тарелку. – Вот мне вы наверняка вечер испортили!

– Дочка, не будем ссориться. Ты же у меня умница, – улыбнулась Валентина Николаевна.

– Перестань, – капризно произнесла Катя. – Я еще ничего не решила!

¹ «Люди Икс 2» (англ. X2) – вторая часть франшизы, США, 2003, реж. Брайан Сингер.

– Я знаю, что ты согласишься, – мама обняла ее и поцеловала. – Если надумаешь идти к Маше, пожалуйста, вернись к четырем часам.

Катя вышла в коридор. Из гостиной навстречу ей выбежала Соня.

– Здравствуй, малыш, – она подхватила сестру на руки. – Ты куда собралась?

– Гулять!

– Мультки смотрела сегодня?

– Мышку смотрела!

Катя рассмеялась и поцеловала сестренку так, как целовала ее только что мама.

В своей комнате она взяла журнал и снова легла. Пробормотала только с раздражением:

– Радость-то какая, весь вечер дома торчать!

В полдень она встретилась с подружками. Отдыхали в кафе под навесом. Катя ела мороженое, подруги потягивали пиво. Им было скучно, даже разговаривать не хотелось. Одно радовало – оттянутся вечером на танцполе. О фильме про мутантов и речи не шло.

– Родители заставляют с Сонькой сидеть, – пожаловалась Катя.

– А я с Максиком поссорилась, – притворно вздохнула Маша Карусельникова.

– Какой-то он у тебя странный, – хмыкнула Лена Лебедева. – Димка мой, может, и ведет себя по-свински. Но я всегда знаю, чего от него ждать. А твой, как этот... Как его, Кэт?

– Как маньяк, что ли? – Катя спрятала улыбку.

– Да ну вас! – обиделась Карусельникова.

– Конечно, он мальчик симпатичный и даже очень симпатичный, – продолжала Лебедева.

– И слова тебе красивые говорит. Но, Машенька, ведь это не главное! Потому что он все время смотрит на других девочек.

– Да пошла ты! – Карусельникова посмотрела на подругу уже с ненавистью. – Это не он, это ты на него смотришь все время! Думаешь, я слепая?!

– А вот и Максик идет, – сказала Катя, глядя на высокого парня. – Вы же поссорились.

– Максик! – приветливо помахала Лебедева назло Карусельниковой.

Та со стуком поставила стакан и побежала навстречу ухажеру.

– Что это с вами? – с любопытством спросила Катя.

– Достала меня уже со своим Максиком! "Ой, Максик!.. О, мой Максик!.." – очень похоже передразнила Лебедева. – Кэт, эта овца противная ему не нужна! Он на тебя смотрит. На тебя, а не на нее!

Катя фыркнула и тоже помахала Максиму. А того подруга картинно поцеловала и потянула в сторону от кафе.

– Что это тебе в голову пришло?

– Ты сама не замечаешь, что ли?

– Вот еще!

Домой она вернулась в половине пятого. Родители собирались на выход. Отец брился, мама перебирала в спальне костюмы и платья. На кровати уже громоздился ворох одежды. На спинках стульев были развешаны рубашки с блузками.

– Катя, как мне этот костюм? – спросила Валентина Николаевна.

– К лицу, – равнодушно отозвалась та. – Вы еще не передумали?

– Катя, – мама обняла ее. – Мы с папой так редко бываем на людях. Я тебя прошу: посиди с Соней. Мы вернемся к девяти. Ты успеешь погулять с подружками. А еще лучше, пригласи их в гости!

– Вот еще! – с презрением усмехнулась она. – Думаешь, им интересно, как я из горшка в унитаз выливаю?

– Они – будущие мамы! – отозвался из ванной отец. – Пусть учатся!

– Ой, чему тут учиться?! – усмехнулась Катя. – А вот у меня были такие планы на вечер!

Она нарочно хлопнула дверью своей комнаты.

– Саша, с ней нужно поговорить, – Валентина Николаевна обняла мужа. – Мне не нравится ее настроение.

– Ты знаешь, как она меня слушает, – отозвался тот. – Подружек она слушает, а не нас.

– Что ж, придется самой, – Валентина Николаевна постучала в дверь дочери. – Дочка, открой, пожалуйста. Катенька, давай поговорим. Я ведь чувствую, что ты обиделась.

– Валя, если она не согласится посидеть с Соней, я приглашу бабушку! – громко сказал Александр Иванович.

Катя тут же вышла из комнаты:

– Вашей бабушке до Сони еще меньше дела, чем мне!

– Катенька, что ты говоришь?! – с обидой произнесла Валентина Николаевна. – Она вас любит!

– Любит?! – фыркнула Катя. – Да она кроме себя никого не любит!

Отец выглянул в коридор:

– А ведь Катя в чем-то права. Плевала она на нас с высокой колокольни. Валя, извини, она твоя мать. Но знаешь, как говорят: "Седина в бороду, бес в ребро!"

– Саша, я тебя прошу!

– Хорошо, – неожиданно улыбнулась Катя. – Я согласна посидеть с Сонькой, но только до девяти часов!

– Вот и хорошо, дочка! – обрадовалась Валентина Николаевна. – К девяти мы уже вернемся. Ты ведь у меня совсем взрослая стала.

– Мам, не начинай снова!

Но Валентина Николаевна уже обняла ее и поцеловала. Позже Катя будет вспоминать этот последний поцелуй. Какой глупой и нетерпимой была она к материнской ласке.

– Мы уедем минут через двадцать-двадцать пять, – тем временем говорила Валентина Николаевна. – Соня спит. Каша на плите, молоко и детское питание в холодильнике.

Пока они собирались, проснулась Соня. Катя взяла ее на руки и вышла проводить родителей.

– Ведите себя хорошо, – улыбнулась на прощание Валентина Николаевна. – Не ссорьтесь! Катенька, я на тебя надеюсь. Ты ведь совсем уже взрослая.

– Мам, ну хватит уже!

– Мать права, – улыбнулся Александр Иванович. – Скоро тебе восемнадцать исполнится. Вот и покажи самостоятельность! – и неожиданно предложил: – Девчонки, а давайте сфотографируемся!

В гостиной он установил фотоаппарат. Семья устроилась на диване.

– А теперь скажите – "сыр"!

Александр Иванович тоже сел на диван и обнял супругу, на руках она держала Соню. По другую руку от нее устроилась Катя. Перед тем, как сработала вспышка, она вдруг заметила какое-то движение в углу комнаты под потолком. Да так и осталась на этой фотографии с расширенными от удивления глазами и с лицом таким чудным, словно увидела знак.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Александр Иванович и вдруг тоже оглянулся на то же место.

А спустя минуту родители девочек ушли навстречу судьбе.

Катя покормила сестренку, поела сама. Созвонилась с Лебедевой, надумала все-таки пригласить ее в гости. После чего собрала Соньку и вышла во двор.

Вскоре появились Лебедева с Максимом.

– Какой пупсик! – подруга взяла Соню на руки. – Какая она у вас миленькая! Привет, Пупсёныш! Конфет хочешь?.. Максик, дай нам конфет.

– Давайте, я вас прокачу, – предложил тот. – На пляж съездим, искупаемся!

Под вечер на самом деле стало душно.

– Давайте, – согласилась Катя. – Я только родителям позвоню.

– Зачем? – Лебедева опустила Соню на землю. – Они ведь к девяти приедут? Вот и мы к девяти вернемся, – когда Максим отошел к машине, прошептала ей на ухо: – Кэт, я серьезно говорю – он неровно на тебя дышит. Тебя ведь в спину не толкают. Присмотрись. Он не урод и при деньгах.

– Лена, ты опять за свое?

– А что такого, если ты молодому человеку нравишься?

– Он то хоть знает, что ты пытаешься нас свести?

– А разве это имеет значение?

– Ленка, я тебе поражаюсь! – рассмеялась Катя.

– Я просто помогаю людям, – улыбнулась та.

Домой девочки вернулись в начале девятого.

Минута уходила за минутой, час за часом. Телефоны родителей были вне зоны доступа. Первое раздражение у Кати, сменилось тревогой. Уже проснулась и снова заснула Соня. Время незаметно подошло к одиннадцати. Катя пыталась подавить тревогу. В какой-то момент даже попыталась разозлиться, но не смогла.

В начале двенадцатого ночи в дверь позвонили.

– Я вам сейчас покажу! – с облегчением прошептала она. – Вот я вам сейчас устрою! – сказала в полный голос, отпирая замки.

Открыв дверь, Катя увидела соседку по лестничной площадке и двух незнакомцев.

Тетя Оля заговорила так быстро, что она не сразу поняла, о чем идет речь:

– Катюша, милая! Катенька, понимаешь, твои папа и мама попали в автокатастрофу.

– Нужно было сказать: попали в аварию, – подсказал один из незнакомцев.

– Что?! – вдруг страшным оглушительным шепотом спросила Катя. – Где они?.. Что с ними?! – уже неожиданно звонко выкрикнула она и бросилась на лестничную площадку.

Но незнакомцы перехватили ее. И один из них сказал, стараясь не смотреть в глаза:

– Они погибли.

– Вы врете! – мгновенно севшим голосом прошептала Катя и снова выкрикнула, но уже нестерпимо громко: – Врете!!!

Из глубины квартиры донесся плач Сони. Ее разбудили и напугали крики сестры и чужие голоса. Катя отступила в прихожую, затравленно посмотрела на незваных гостей. Не сводя с них взгляд, торопливо обулась, натянула ветровку. Тетя Оля и незнакомцы настороженно следили за ней. Когда она выходила из квартиры, ее снова попытались остановить. Но на этот раз Катя вырвалась и стремительно сбежала вниз по лестнице. Выскочила из подъезда и канула в ночь. Ноги сами понесли ее в сторону парка.

Она бежала, не разбирая дороги, слезы застилали глаза. Освещенные окна в домах, уличные фонари и темные дворы. Кажется, все это мелькнуло в одно мгновение. Сначала она бежала по тротуарам, потом темными аллеями парка. Густая трава опутывала ноги. Где-то посреди парка галдели и хохотали пьяные. Сквозь деревья мелькали багровые отблески костра. Но Катя бежала через парк, ничего не замечая. Она не хотела ничего видеть и уже ничего не хотела знать. Лишь одно желание гнало ее сквозь летнюю ночь – убежать от самой себя и от судьбы, которая занесла над ней острое жало.

– Вы знаете, куда она побежала? – спрашивали оперативники соседку.

– Наверно, к одной из подружек. У нее очень много подружек.

– Этого нам еще не хватало! Хорошо, мы оставим ребенка на вас, а сами найдем девочку. Убежать далеко она не могла. У девочек есть близкие родственники?

– Бабушка – Подъяловская Маргарита Георгиевна.

– Поставьте ее в известность! Будет лучше если она заберет детей к себе. Вы все-таки человек посторонний. Мы сигнализируем по инстанции. Но пока так.

Они ушли, оставив соседку с ребенком. Соня все еще всхлипывала, но сон уже брал свое, глаза у нее слипались.

Очнулась Катя на рассвете. В тот момент, когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев. Трава на лужайке была сухой. И Катя отстраненно подумала, что это верный признак дождя. Потрясение от случившегося оказалось таким сильным, что она не сразу вспомнила, как оказалась здесь. А когда вспомнила, вновь уткнулась лицом в траву и плечи ее вздрогнули от беззвучного плача. Перед ее глазами роились не связанные между собой, отрывочные картины. Сейчас она отчетливо понимала только одно – жизнь уже не будет прежней.

Катя лежала на залитой утренним солнцем поляне и мучительно пыталась заставить себя думать. Но вместо этого чувствовала, что продрогла до костей. Ощущала, как ночная свежесть все еще поднимается от земли. В этот момент ее нервы сдали окончательно. Она встала на колени, подняла глаза к светлым небесам и разрыдалась так страшно, взывала почти по-звериному, что заночевавший неподалеку бомж вскочил с подстилки из газет, травы и наломанных веток и, не разбирая дороги, бросился наутек.

Через какое-то время Катя затихла, сжалась в тугой комок. Она еще изредка вздрагивала и вытирала слезы, но ее худенькое лицо ожесточилось. Потому что она сердцем постигла – именно сейчас решится судьба сестренки. Ее душа неведомым провидением божьим вдруг прозрела, очищаясь от скверны равнодушия. Катя очень ясно осознала, что участь Сони нужно решить, не сходя с этого места. Не через несколько дней, наслушавшись советов чужих людей. Здесь и сейчас нужно было решить, с кем вырастет сестра и как она будет жить, в любви или как-то иначе, о чем страшно было даже подумать. Кто будет ее воспитывать, близкий человек или те самые чужие люди?

Катя знала, что тетке по отцу, Горловой Елене Ивановне, Соня была не нужна. Этой двуличной неприветливой женщине бог своих детей не дал, да и не нужны они были ей. Родители отца могли взять Соню на воспитание, но они умерли несколько лет назад. О бабушке по материнской линии речь даже не шла. При жизни дочери и зятя ей до внучек дела не было. Получив в наследство от мужа состояние, она почти безвылазно проводила время на курортах, в пансионатах и за границей. Катя знала, что она не согласится тратить драгоценные годы жизни на воспитание внучки. Она уже сейчас могла предугадать ее искусную ложь.

Подумав обо всем этом в одно мгновение, она поднялась с земли и пошла из парка. Шла медленно, временами ощущая в душе бездонную пропасть. Но как только вспоминала о сестре, эта страшная бездна затягивалась тонкой корочкой еще неосознанных чувств. В это утро все окружавшее ее казалось незнакомым. И дома казались чем-то иным, но не железобетонными коробками. И асфальт под ногами не был дорогой. И прохожие казались существами из другого мира. Но потом она случайно заметила свое отражение в зеркальной витрине, увидела свои лицо, глаза, и все вернулось на место. Небо стало небом и дома стали домами. В этот момент кто-то окликнул ее с другой стороны улицы, но она не обратила на это внимание.

До полудня весть о гибели Малаховых облетела родных и знакомых.

Услышав о гибели брата, Горлова закрыла глаза ладонью, но слез не пролила.

– Господи! – прошептала она, вернувшись на кухню. – Васенька, Маргарита звонила. Вчера Малаховы на машине разбились.

– А я Саше не раз говорил, чтобы осторожней ездил, – отозвался тот. – Сильно побились? Машину наверно в ремонт. Выдают же сейчас безголовым права! Бардак несусветный!

– Они погибли.

– Как погибли?! Все?!

– Нет, дети живы. Валя с Сашей в гости к кому-то ездили. А на обратном пути разбились. Горлов отложил в сторону нож с вилкой.

– Даже не знаю, что сказать, – произнес он, уже примеряя на себя траур. – От судьбы, видно, не уйдешь. Помнишь, они два года назад чуть не погибли на дороге. А нынче бог беду не отвел. Милая, ты присядь! Нам с тобой сейчас подумать нужно, как дальше быть. У брата твоего все было. А если девочки без присмотра останутся – Катя все нажитое спустит: и квартиру, и дачу, и гараж. Надо и об этом подумать.

– Что же нам делать теперь?

– Катя к нам жить не пойдет. Да и поздно ее уже перевоспитывать. А вот о младшей подумать нужно. Мы можем взять над ней опеку или удочерить. Как ты на это смотришь? Половина родительского наследства по закону ее. Вот и решение.

К дому Малаховых Горловы подъехали одновременно с бабушкой девочек.

– Какое несчастье!

Женщины расцеловались. Ни та, ни другая не выглядели безутешно.

– Я до сих пор не могу прийти в себя! Все время плачу!

– Вы правы, Леночка, это невыносимо.

Горлов вышел из своей черной "Волги". Проверил, хорошо ли закрыты двери с багажником. Женщины тем временем перешли к вопросу, который волновал обеих:

– Елена Ивановна, вы же понимаете, о будущем девочек должны подумать мы и подумать сейчас!

– Мы с мужем уже обговорили это. С Катей сложно. А вот Сонечку мы бы взяли на воспитание.

– Какое чудо, наши мысли совпали, – улыбнулась Подъяловская. – Я немолода, чтобы брать на себя такую ответственность. Но вы с Василием Львовичем замените Соне родителей. Я в этом уверена! И хоть какая-то часть нажитого не пропадет. Я же буду приглядывать за Катей. Она девочка с характером, но мы поладим. Я знаю ее. Я сегодня же поговорю с ней.

– Слава богу, мы понимаем друг друга! – не скрывая облегчения, произнесла Горлова. – Я боялась, что вы не поймете нас.

– Тут и говорить не о чем! Мы должны помочь не только девочкам, но и друг другу. Я вам откровенно скажу, мне не нравилось окружение зятя: ни Шугуров, ни Фесенко, ни остальные из этой компании! Я таким людям не доверяю. А вот вам с Василием Львовичем верю!

Горлов стоял в стороне. Непонятно было, о чем он думает. Но смотрел он на свою машину.

– Васенька, мы ждем тебя! – окликнула его супруга.

– Здравствуйте, Маргарита Георгиевна, – Горлов осторожно пожал ей руку. – Скорблю вместе с вами.

– Спасибо, Василий Львович, – улыбнулась та. – С Леночкой мы обговорили судьбу девочек. Я рада, что вы возьмете Сонечку на воспитание!

– Маргарита Георгиевна, это наш долг! Девочкам мы не чужие. А сил и средств, чтобы воспитать Соню у нас хватит!

– Но я бы не хотела, чтобы посторонние узнали о вашем решении, – сказала Подъяловская. – Мы люди разумные. Но чего ждать от других, я не знаю. О вашем решении мы пока что не скажем никому. Вы согласны со мной?

– Резонно. Не будем афишировать свое участие. Народ у нас такой, что сразу же начнут говорить о корысти, о жадности. Забывая о человеческих моментах! Но я считаю, что имуществом тоже нельзя пренебрегать! Девочки только начинают жить: Соня совсем кроха, а у Кати элементарного опыта нет. О ней тоже должен заботиться взрослый человек. Мы с вами люди зрелые и опытные, нам это по плечу.

– Как же приятно слышать от вас это, – улыбнулась Подъяловская. – По крайней мере, теперь я за Сонечку спокойна. А с Катей я поговорю. Я собираюсь в поездку по Италии. Не думаю, что она откажется от нее.

Когда Катя вернулась, в квартире уже находились бабушка, тетя Лена с мужем и несколько друзей отца. Увидев ее, они умолкли на полуслове. А она застыла в дверях гостиной.

– Катюша, где же ты была?! – бабушка потянулась к ней. – Катюша, милая моя!

И все присутствовавшие разом загомонили:

– Какое страшное несчастье, Катя!.. Катя...

– Катенька, ты можешь рассчитывать на нас!

И только Шугуров попытался остановить их:

– Да оставьте же ее в покое, дайте побыть одной!

– Мы тебе поможем, Катенька, обязательно поможем...

– Можешь рассчитывать на нас! Мы тебе не чужие...

– Катюша, – Шугуров сделал к ней шаг.

Но она слепо глянула на него и ушла в детскую.

Женщины хотели было пройти следом, но Николай Андреевич остановил их:

– Ради бога, дайте побыть ей одной! Дайте вы человеку прийти в себя!

– Но именно сейчас она больше всего нуждается в нас, – перебила его Маргарита Георгиевна.

– Уважаемая, только не с вами толковать о сочувствии и сострадании к ближним, – так же грубо оборвал ее Шугуров.

– Что это вы себе позволяете?!

– Оставьте, Маргарита Георгиевна, – отмахнулся он. – Вас все равно не переспоришь! – и посмотрел на Фесенко. – Сергей Назарович, нам бы потолковать с глазу на глаз. Не уезжай пока.

– Хорошо, – кивнул тот.

Возвращаясь от него, Малаховы и попали в аварию.

Увидев Катю, соседка едва не расплакалась:

– Прости меня за вчерашнее, девочка! Если можешь, прости. Если бы я могла все вернуть.

– Тетя Оля, спасибо. С Соней ночь провела, – через силу улыбнулась Катя. – Мне с Соней нужно побыть.

– Конечно-конечно, – она вышла из комнаты.

– Привет, малыш, – Катя взяла сестренку на руки, и та неожиданно расплакалась:

– Маму хочу... Ма-ма...

– Что ты, малыш? Что ты... – Катя крепко прижала ее к себе.

И вдруг почувствовала такое отчаянье, что едва сама не расплакалась и прошептала против воли:

– Нет, я не верю... Нет, мама... этого не может быть...

Вскоре Соня снова закапризничала, расплакалась. Катя присела рядом с ней.

– Что ты, малыш? Успокойся, – хотя к ее горлу тоже подступили слезы.

Не успела она сказать этого, как в детской появилась Маргарита Георгиевна.

– Почему она у тебя все время плачет? – спросила с укором, забирая Соню. – Что ты с ней делаешь?! Пока тебя не было, она не плакала! Соня, что она с тобой делает?!

– Бабушка, зачем ты так?

В этот момент Катя почувствовала слабость сродни сердечной.

Соня уже ревела навзрыд.

– Перестань, Сонечка, – Маргарита Георгиевна подошла с внучкой к окну. – Перестань плакать! Видишь, ребятки играют в песочек. И мы с тобой погуляем сейчас. Только не плачь... Катя, ты понимаешь, что не можешь заниматься маленьким ребенком?

– О чем ты говоришь, бабушка? – пересиливая слабость, спросила Катя.

Она уже догадалась, о чем пойдет речь.

– Катенька, нам нужно серьезно поговорить, – Маргарита Георгиевна села возле окна. Ребенок на ее руках понемногу успокоился. – Ты должна научиться трезво смотреть на жизнь. Да, у нас произошло страшное несчастье. Мы потеряли самых родных людей. Но жизнь продолжается! Об этом нужно помнить всегда. Жизнь не стоит на месте... Катя, я знаю, о чем ты думаешь.

– Ты не можешь этого знать.

– Знаю, – снисходительно улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Ты хочешь оставить Соню с собой. Но ты не справишься. Ты слишком молода. И ты должна думать о себе. Прежде всего, ты должна думать о себе! Ты ведь не хочешь погубить молодость.

– Бабушка, ты меня не слышишь! – перебила ее Катя.

– Нет, это ты не слышишь меня. Если ты возьмешь сестренку... Если тебе позволят сделать это. Вы обе будете только мучиться! И очень скоро ты станешь ненавидеть сестру! Это правда, Катя. Поверь мне... Позволь жизни самой все расставить по своим местам. Пока что за Соней посмотрит тетя Лена. И это лучшее, что мы можем придумать. А после похорон мы с тобой съездим в Италию. Ты ведь всегда мечтала съездить туда. Милая моя, тебе пора начинать свою жизнь, пора начинать думать о себе. Ты всегда была такой умной, Катя. Я всегда надеялась на тебя. Не сделай сейчас глупость!

– Что?! – Катя словно очнулась. – Ты надеялась на меня? Ты думала, что я стану такой же равнодушной и лживой как ты?

– Какой же ты еще ребенок! – улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Подумай о моих словах.

– Соня – моя сестра!

– Она – моя внучка. И ты моя внучка. Катя, я не хочу, чтобы вы мучились.

– А я больше не хочу слушать тебя. Соню я не отдам никому!

– К чужим людям она не попадет, – вновь улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Катя, все что сейчас нужно – это успокоиться и прийти в себя. Твое слово не последнее. Но ты должна уже думать о себе. И вот что я скажу: доверять людям нельзя, каждому что-то нужно от жизни! Когда ты придешь в себя, вспомни, что у тебя есть бабушка. Я всегда помогу тебе. Вспомни об этом, Катя. И отнесись к моим словам уже по-взрослому!

Не слушая ее больше, Катя забрала сестру и вышла из комнаты. Маргарита Георгиевна усмехнулась:

– Катенька, ты еще такой ребенок!

Она достала из сумочки пачку сигарет, которые изредка курила и считала это признаком сильных переживаний.

Маргарита Георгиевна закурила. На ее холеном красивом лице застыла улыбка. Здоровья она была отменного и на самом деле выглядела очень молодо. В свои пятьдесят восемь производила впечатление женщины, едва переступившей сорокалетний рубеж. Но все же с возрастом в ее душе случилась необратимая перемена – она перестала различать грань между добром и злом.

– Какой же ты еще ребенок, Катенька, – повторила она. – Ты совсем не знаешь жизни.

На следующий день прошли похороны. Родственники и друзья погибших подходили к Кате, целовали, выражали сочувствие. Потом шли к двум закрытым гробам.

Катя сидела понурившись, на ее голове был повязан черный платочек. Маргарита Георгиевна тоже была в трауре, но уже от кутюрье. Сверкала белым золотом и платиной украшений. Возле нее с участливым видом сидели Горловы.

– Как это страшно, хоронить своего ребенка, – в какой-то момент сказала она Горловой.
– Я не думала, что переживу дочь... Но мы должны думать о живых.

– Да, – кивнула та. – Вы можете спокойно отдохнуть от этого ужаса. Я уже встретила инспектора по опеке. На формальности уйдет несколько дней.

– Спасибо, Леночка. Спасибо за все.

– Нужно подумать о старшей, – в тон ей кивнул Василий Львович. – Мы боимся, как бы не зачастили к ней друзья с подругами. Вы же знаете молодежь: пиво, дискотеки и никакой ответственности за свои поступки.

– Не приведи, Господь, еще с какими-нибудь наркоманами свяжется, – поддакнула ему супруга.

– С Катей я поговорю сегодня же, – успокоила их Маргарита Георгиевна. – Думаю, она поедет со мной. Лучшее средство от печали – долгое путешествие. Я уже брала ее в Европу. Не думаю, что она откажется на этот раз. Бедная девочка, ей просто нужно развеяться. И мне нужно развеяться. Кто бы мог подумать... Мы потеряли их.

– Брата как живого вижу! – неожиданно и уже совершенно искренне всхлипнула Горлова.
– Только закрою глаза и вижу.

– Успокойся, милая, – муж обнял ее. – От судьбы не уйдешь.

В этот момент Шугуров отвлекся от разговора со знакомым и сказал Фесенко:

– Не нравится мне это.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотри на Горловых с Маргаритой. Они явно что-то задумали!

– Не перебарщиваешь? Не похожи они на монстров. Все-таки своих хоронят.

– Любую подлость я жду только от них, – покачал головой Шугуров. – Вспомнишь мои слова, так и будет. Оглянуться не успеем, а они уже выкинут какой-нибудь фокус.

– Коля, – одернула его жена, – я тебя ждала.

– Ты приехала, – Шугуров обнял ее.

– А ты выпил.

– О чем ты, Галя? Еще на кладбище ехать. Подойдем к Кате. Почему она одна?.. Я не понимаю, почему она одна?! Где ее друзья, где ее родня?

Он посмотрел на Катю. Из-под платочка у нее выбилась прядь темных волос. Но в этот момент Шугурову показалось, что ей уже не семнадцать лет. Ему показалось, что в волосах у нее блестит седина. Но подойти не успел – опередила Маргарита:

– Катюша, ты должна проститься с родителями. А на кладбище мы уже не поедем.

Услышав голос бабушки, Катя вздрогнула:

– Да, бабушка, я сейчас... Так тяжело... Так плохо...

– Да, милая моя, я знаю, – Маргарита Георгиевна помогла ей подняться. – Нам всем нелегко. Но скоро все это канет в прошлое. Раны заживут. А если не присыпать их солью, они заживут очень быстро.

– Мне страшно. Я спать не могу.

– Все будет хорошо. Попрощайся с родителями. Скоро все закончится.

Они подошли к покойным. В этот момент у многих навернулись на глазах слезы.

Катя сначала прикоснулась к одному гробу, потом к другому:

– Мама... Папа... – прошептала она и на негнущихся ногах вышла из зала.

Шугуров сделал еще одну попытку догнать ее, но был снова остановлен супругой:

– Куда ты? Останься со мной. Мне сейчас тоже очень плохо.

Тем временем Катя вышла из здания и прошла вглубь сквера, присела на скамью и опустила голову. В этот момент силы окончательно оставили ее.

Спустя минуту на улице появились Шугуровы. Николай Андреевич оглянулся по сторонам и раздраженно бросил жене:

– Я не пойму, чего ты добиваешься?! Где мне сейчас ее искать, где?!

– А я не понимаю, зачем тебе нужно ее искать? – нарочито спокойно произнесла Галя. – На кладбище она не поедет, все об этом говорят. Да и незачем ей видеть могилы.

– Стало быть, ты о ней заботишься?!

– Да. Если тебе от этого станет легче: я забочусь о ней!

– Хорошо, садись в машину. Едем на кладбище.

Еще через минуту из парадных дверей начали выходить провожающие. Маргарита Георгиевна огляделась, заметила Катю. На крыльцо поднималась очередная траурная процессия. Маргарита Георгиевна посмотрела на них задумчиво и пошла по дорожке среди ухоженных кустов и деревьев.

– Едем домой, Катюша, – она села рядом с внучкой.

– Я хочу съездить на кладбище.

– Не нужно тебе туда. И тебе уже хватило, и мне. Сейчас заберем Соню и поедем ко мне.

– Отвези меня домой, – попросила Катя. – Дома мне будет легче. Бабушка, что мне делать?

– Ты должна верить мне, – улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Верь мне. Я плохого не советую. Моя жизнь не всегда была безоблачной. И я знаю, чего стоят необдуманные шаги. И ты тоже начинаешь понимать это... Тебя никто не торопит, тебя не толкают в спину. Через несколько дней мы будем в Европе. Я заберу тебя с собой. Послушай меня. И очень скоро все встанет на свои места.

– Но я хочу оставить Соню с собой, бабушка.

– Я знаю, – кивнула Маргарита Георгиевна. – Но это желание такое детское, такое неразумное. Ты должна быть со мной сейчас. И когда-нибудь ты скажешь мне спасибо. А сейчас идем в машину. Несколько дней вы с Соней поживете у меня.

– Но, бабушка, – Катя порывисто взяла ее за руку. – Я не могу бросить Соню!

– Катя, ты еще совсем юная. Ты говоришь, но не понимаешь смысла многих слов. Ты ее не бросаешь. Ты ее не предаешь. Соню воспитают достойные люди. Они станут для нее родителями, воспитают как родную дочь.

– А ведь вы уже все решили.

– Нет. За тебя никто не будет решать. Тебя никто не торопит. Никто ни к чему не принуждает. Но уже через пару недель ты поймешь, о чем я говорила. И мы станем только ближе.

– Значит, я уже сейчас могу сказать все! – твердо произнесла Катя. – От Сони я не откажусь. Я воспитаю ее! И сегодня мы останемся дома. И завтра мы тоже будем дома! Если ты на самом деле хочешь помочь нам – ты поможешь нам остаться вместе. Я знаю, что ты можешь помочь. Соню я не отдам никому!

– Хорошо, – улыбнулась Маргарита Георгиевна. – Будь, по-твоему. Но когда я вернусь из поездки, мы закончим этот разговор. Я еще несколько дней буду в городе. Если передумаешь или понадобится помощь – звони. А когда уеду, за помощью обращайся к тете Лене. Девочка моя, я так хочу, чтобы вы были счастливы! Хочу этого больше всего на свете! У нас разные пути, но они ведут к счастью. Мы хотим одного и того же. Поверь мне, все люди хотят счастья.

Вторую ночь Катю мучило сумеречное сновидение со странными картинками, похожими на плохо сохранившуюся киноленту. Она понимала, что видит сон, и ощущала острое желание проснуться. Но сновидение не отпускало ее, цеплялось острыми коготками, дышало в лицо

затхлыми, восставшими с дедовских погостов² страхами. "Отпустите меня!" – вырывалась она из обволакивающих, мохнатых лап кошмара. Плакала: "Отпустите!.." И этот плач вдруг застрял занозой в ее ушах. С каждым мгновением он становился все громче и громче, и поглотивший ее кошмар, наконец, раскололся и отпустил.

Она не знала, сколько времени это продолжалось: минуту, пять минут, двадцать... У нее не было сил разлепить веки. И сил больше не было слышать пронзительный детский плач.

– Мам! – крикнула она, приподнявшись на локте. – Мам, Сонька плачет!

И окончательно пришла в себя.

Времени было около четырех часов утра. За окном висели сизые сумерки. Небо с вечера заволокло тучами.

Катя тяжело перевела дыхание. Выглядела она неважно, осунулась, под глазами лежали темные тени. Почти каждое утро она мучилась от головной боли, а мышцы рук и ног непривычные к домашней работе ныли.

Она прошла в детскую, взяла Соню на руки.

– Ну, что ты? Что ты расплакалась? Простынка у нас сухая. Ой – ей!.. Ой – ей!.. Ну, что ты? Успокойся, малыш! – они подошли к окну. – Скоро солнышко встанет! Видишь, птички уже проснулись. Слышишь, какие красивые песенки они поют?!

Соня успокоилась, а Катя продолжала говорить:

– Сегодня мы пойдем в парк. Там много ребятик! Там весело!

– Мама... – всхлипнула Соня.

– Соня, нам ведь с тобой хорошо, да? – она еще крепче обняла сестренку. – Маленькая ты моя... Как же я тебя люблю, – к ее горлу подступили слезы. – А сейчас мы с тобой покушаем. Ты ведь хочешь кушать?.. Сейчас мы с тобой уоемся и кашку есть будем. А плакать мы больше не будем! Потому что у нас с тобой все замечательно! А давай мы с тобой потанцуем!

Катя прошла в свою комнату, включила музыкальный центр и принялась танцевать с сестренкой на руках. Спустя минуту ее бледное лицо порозовело, а на губах появилась улыбка. Она снова подошла к окну и прошептала:

– Все замечательно... Все просто замечательно...

Они позавтракали. А потом прилегли в гостиной и незаметно задремали под мерцающие картинки и монотонные звуки телевизора.

Проснулась Катя от телефонного звонка. Звонил Шугуров. Времени было около девяти часов.

– Катя, здравствуй! Я сейчас поднимусь. У вас все в порядке?

– Да, все хорошо.

– Разбудил?!

– Нет.

Она прошла на кухню. Убрала со стола грязную посуду. И словно увидела себя со стороны: худенькую, уставшую и неприбранную. Поправила волосы и улыбнулась. Мама часто говорила: «Нужно всегда выглядеть опрятно». И она только сейчас поняла, о чем говорила мама. Нельзя показывать людям слабость. Самоуважение – вот чему она учила ее.

Катя умылась и поправила одежду.

В дверь негромко постучали.

– Здравствуй, Катюша, – Шугуров обнял ее. – Давно не заходил. Закрутился немного. Как вы?

– Все просто замечательно!

Они прошли на кухню. Шугуров поставил на стол пакет с продуктами.

– Маргарита все-таки укатила в Италию?

² Погост – кладбище (устар.).

– Да. Оставила деньги и улетела.
– Понятно. Горловы заходят?
– Нет. Я тоже не хочу их видеть.
– Ничего, скоро все образуется! Катюша, ты нас не забывай нас, звони! Если что-то понадобится или проблема какая-то возникнет, сразу звони! Деньги нужны?
– Нет, деньги есть. Нам пока хватит.
– Я через пару дней загляну, – кивнул Шугуров. – А ты не забывай – звони! Я должен знать, как у вас дела.

Он поднялся с табурета.

– Дядя Коля, я сейчас чай приготовлю.

– Нет, Катя, мне пора. На нашу красавицу одним глазком гляну!

Он зашел в гостиную и с улыбкой посмотрел на Соню.

– Гуляете?

– Каждый день.

– Ты с ней чаще гуляй. Тебе тоже свежий воздух нужен. Выглядишь уставшей.

– Это с непривычки, – улыбнулась Катя. – Сейчас все нужно делать самой.

– Ничего. Все с этого начинали. И шишки набивали, и мозоли натирала. Все нормально.

Так и должно быть. До свидания, – он поцеловал ее на прощание. – Берегите себя.

Катя проводила его до лифта и вернулась домой. На ее лице все еще играла улыбка. После смерти родителей она начала понимать и принимать тепло человеческих отношений. Все что раньше казалось несущественным.

А Шугуров сел в машину, уперся руками в руль и прошептал:

– Что же ты, Маргарита, делаешь? Не боишься гнева божьего? Бог не Афонька – вывезет потихоньку.

Он еще какое-то время смотрел на гулявших во дворе бабушку с внуком. Мальчику было года три. Он пинал по яркому мячику и со смехом бежал вслед за ним.

После ухода Шугурова настроение у Кати пошло в гору. Вскоре проснулась Соня, и они принялись за уборку квартиры.

Закончив с этим, пообедали и стали собираться на прогулку.

– А, давай, к дяде Коле ходим! – улыбнулась Катя.

Они направились в центр города.

– Дядя Коля хороший, – приговаривала Катя. – Дядя Коля добрый. Ты ведь помнишь дядю Колю?!

– Дядя – добрый, – повторяла вслед за ней Соня.

Во дворах галдела детвора. В небо с шумом срывались стаи голубей. От сырого асфальта и газонов с непросохшей травой шла прохлада.

Ресторан находился в старинном здании из красного кирпича. Большую часть здания занимал ресторан Шугурова – «Женева», а в оставшейся части помещений разместились пекарня и кондитерский цех, которыми занималась его супруга, Галина Сергеевна.

Ресторанная зала была декорирована в стиле великосветских салонов начала девятнадцатого века. Впрочем, публика в этом заведении обыкновенно собиралась под стать декорациям. А вечерами ресторан и в самом деле напоминал европейскую гостиную. Хотя те, кто работал здесь ежедневно, наверняка не задумывались об особой атмосфере этого места.

Шугурову было сорок с небольшим, его второй жене чуть больше двадцати. Со стороны он казался добродушным, иногда даже медлительным увальнем, а она с первого взгляда производила впечатление человека жесткого и энергичного. Хотя характер у ее мужа, не смотря на обманчивую внешность, тоже был выкован из стали. По жизни он шел как ледокол, всегда добиваясь своего. Благодаря целеустремленности получил высшее образование, благодаря ей

же занялся коммерцией. Первым его предприятием стал ларек возле железнодорожного вокзала, спустя десять лет, превратившийся в престижный ресторан и линию по производству кондитерских изделий.

Машина Шугурова стояла возле ресторана. Катя поднялась на крыльцо и постучала в затонированную дверь. Николай Андреевич в это время находился в зале, увидел ее и радостно улыбнулся:

– Не ожидал! Я вас вот только что вспоминал, – он спустился с крыльца и заворчал по-медвежьи: – Кто это катается на моей коляске?! Кто?!

Соня заверещала от восторга и сделала попытку выскочить из нее. Шугуров поймал ее и перекинул через плечо.

– Все, сейчас ты от меня не сбежишь! Анечка! – окликнул девушку за стойкой бара. – Присмотри за ребенком! И покорми чем-нибудь, но только не конфетами. Иначе я кого-нибудь съем!

Соня снова завизжала от восторга и принялась сучить в воздухе ногами. Шугуров передал ее Ане и вместе с Катей поднялся в офис на втором этаже.

В кабинете Шугурова Катя посмотрела на стол отца и тут же отвернулась.

– Ты вовремя, – тем временем говорил он. – Сейчас к бухгалтеру ходим. Получишь деньги отца. Я ему за две недели должен остался.

– Я не за деньгами пришла, дядя Коля.

– Я знаю, – кивнул Шугуров. – Но деньги всегда кстати. Деньги лишними не бывают.

В этот момент в кабинете появилась его жена.

– А вот и Галя! А у нас гости!

– Я уже вижу, – кивнула она.

– Здравствуйте, Галина Сергеевна, – поздоровалась Катя.

– Здравствуй, – ответила та с подчеркнутым безразличием.

– Вот и Катюша до нас добралась, – с улыбкой приговаривал Шугуров.

– А я решила, что у нее опять что-то стряслось! – Галя села за свой стол.

– Что с тобой? – насторожился Шугуров. – Катя, извини, мы тебя на минутку оставим.

Они вышли в коридор.

– Что с тобой?

– А не слишком ли отеческую заботу ты проявляешь?

– О чем ты говоришь? Я тебя понимаю все меньше и меньше! Девочки отца с матерью потеряли. А родственники у них сволочи! Девочкам сейчас не хватает самого главного – родительского тепла! Галя, ты же женщина.

– Именно поэтому мне кое-что непонятно.

– И что же ты имеешь в виду?

– Ты уже забыл, как мы познакомились? Ты был женат и счастлив, но через полгода бросил жену с детьми...

– Прекрати! – оборвал ее Шугуров. – Это уже клиника!.. Зайди в кабинет и внимательно, дорогая моя! Очень внимательно посмотри на этого несчастного ребенка... Ты себя с ней не равняй.

– Вот как?!

– Да, именно так! Ты знала, чего хотела! И добилась своего! А теперь нет у меня ни времени, ни желания спорить с тобой!

Шугуров вернулся в кабинет.

– Еще одну минутку, Катя. Сейчас я кое-что проверю. И мы ходим к Софье Павловне, нашему бухгалтеру, – он надел очки и принялся перечитывать какой-то документ. – А потом нас ждут вкусняшки!

– Дядя Коля, – нерешительно начала Катя, – я хотела с вами насчет работы поговорить.

– А институт? Ты же собиралась дальше учиться. И за Соней нужно следить. И работа тебе не всякая подойдет.

– Я согласна на любую, – кивнула она.

– Это ты сейчас так говоришь, – усмехнулся Шугуров. – Не спеши, Катя. Дай мне подумать... Наверно, у меня найдется работа для тебя.

Он открыл шкаф и задумчиво покрутил в руках меню.

– С компьютером ты знакома. Такие меню нам один человек делает. Но в последнее время он чем-то жутко недоволен. То одно его не устраивает, то другое. Говорит, что заказов полно... Если ты согласна взяться за это дело, я тебе на дом все необходимое привезу. Насколько я понимаю, работа нехитрая. Время от времени мы меняем ассортимент блюд, кое-что убираем, добавляем новые блюда. Самое главное, чтобы меню не было стыдно гостям предложить. Согласна попробовать?

– Конечно, – радостно кивнула Катя и снова замялась. – А сколько вы мне платить будете?

Шугуров рассмеялся:

– Не бойся, вас я не обижу! А вот ты до сих пор меня на "вы" величаешь как чужого! Непорядок!

Из ресторана она вышла в приподнятом настроении. Соня уснула на руках.

– Хорошая ты моя, – улыбнулась Катя, убирая с глаз сестренки прядь волос.

В этот момент к ресторану с мерным грохотом подкатил мотоцикл. Мотоциклист выключил двигатель и снял шлем:

– Извини, не хотел напугать твоего ребенка.

– Ничего страшного. Она так устала, что теперь до вечера спать будет.

Он поставил мотоцикл на подножку и протянул Кате руку для пожатия. Светловолосый парень чуть выше среднего роста.

– Привет, я Артем! На работу приходила устраиваться? Я здесь тоже недавно работаю. По-моему, здесь неплохо.

– Катя, – она пожала его крепкую ладонь. – Кем работаешь?

– Поваром. Сейчас скажешь, что я не похож на повара. Почему-то все думают, что повар обязательно должен быть упитанным, вот с такой ряшкой, – он показал, какого размера должны быть щеки у нормального повара. Катя рассмеялась. – А я на самом деле неплохой повар. Если не веришь, приходи с мужем вечером. Оценишь сама.

– Нет у меня мужа, – усмехнулась Катя. – А это моя сестренка, а не дочка. Приятно было познакомиться, Артем.

Она развернула коляску.

– Катя, подожди! Постой... – он догнал ее. – Может, встретимся?

– Извини, – она высвободила руку. – Но мне сейчас не до этого.

Он проводил ее взглядом. На его губах так и застыла полуулыбка.

После работы Артем поставил мотоцикл на стоянку. Он снимал однокомнатную квартиру в панельной пятиэтажке. Вообще, жил без нездоровой суеты – бича его сверстников. Друзей и однокашников жизнь за пару лет раскидала во все стороны. Кто-то нормально жил, а кто-то сколоться и помереть успел. Артем жизнь начал собирать по кирпичику.

Он прошел на кухню, сел на табурет и закрыл глаза. Трудно сказать, о чем он думал в этот момент. Но по его лицу блуждала счастливая улыбка.

– Прошу вас, Елена Ивановна! Присаживайтесь.

Ирина Витальевна Болотова, инспектор по делам опеки и попечительства, приветливо улыбнулась Горловой. Гостя села напротив ее стола.

– Я могу вас поздравить, остались формальности! Впрочем, племянницу вы можете забрать уже сегодня. С моральной точки зрения это не противоречит законам нашего общества.

– Боюсь, что без вашей помощи и официальных бумаг мы с мужем не договоримся со старшей сестрой Сони. С бабушкой девочек мы пытались убедить ее, приводили различные доводы. Но она нас не слышит.

Выслушав ее замечание, Болотова принялась барабанить ручкой по столу.

– Ирина Витальевна, я не хочу создавать у вас превратное впечатление о Кате. Она хорошая и добрая девочка, – тут же поправилась Горлова. – Сестренку не обижает и пытается следить за ней. Но ведь это так тяжело – в одиночку заботиться о ребенке. Тем более в ее годы... Ирина Витальевна, я думаю, вы меня понимаете. И думаю, что очень скоро в жизни Кати появятся молодые люди. А ребенок станет обузой, – она снова сделала паузу. – А мы с мужем уже немолоды и обеспечены. Не гонимся за вещами и все свои силы посвятим воспитанию Сонечки.

– Елена Ивановна, – улыбнулась Болотова, – в вас я не сомневаюсь. Для воспитания Сони Малаховой лучшей кандидатуры не найти. И свое мнение я донесла до попечительского совета и до работников городского суда. В вас я абсолютно уверена. Если и доверить кому-то воспитание девочки, то только вам. Ребенка мы с вами заберем, когда будут готовы все необходимые документы. А если это будет необходимо, сделаем это при поддержке милиции, – и добавила после краткого размышления: – Меня радует желание вашей племянницы воспитать сестренку самостоятельно. Но ей это не под силу. Из своего опыта я знаю, что ее намерение мотивировано желанием сохранить хоть какую-то часть своей семьи. Этот шаг непродуманный и импульсивный. Будет очень хорошо, если мы сможем объяснить ей это.

– Я не хочу ссориться с ней. Катя пока не думает ни о своем будущем, ни о будущем сестры. Вчерашняя школьница. Из-за родительской спины она настоящей жизни не видела. А потом она выйдет замуж. И неизвестно как муж отнесется к Соне. Скверное отношение на всю жизнь оставит душевные травмы. Не факт, что мужчина согласится воспитывать чужого ребенка. Потеряв семью один раз, Соня может лишиться ее снова. Вы согласны со мной?

– Да, – кивнула Болотова. – Вы, Елена Ивановна, извините меня. Мне нужно ехать в приют. Могу подвезти вас до дому, нам по пути.

Спустя несколько минут они вышли из здания городской администрации и сели в машину Болотовой.

– Сейчас такое время, – вздохнула она. – Страшное время! Когда очень многим детям лучше жить не с родителями, а с чужими людьми. Страшная правда! Страшная... То, что мы видим в некоторых семьях – недопустимо! Иногда зверь выглядит милосердней человека. Я не понимаю, что заставляет людей относиться так к собственным детям. Издевательства, побои, изоляция. Дети голодают, ребенка могут опохмелить спиртным, чтобы он не просил хлеба.

– Ужас какой! – покачала головой Горлова.

– Буквально вчера в приют привезли девочку трех с половиной лет. Совсем как ваша Сонечка. В качестве наказания ее мамаша ставила ребенка на перловую крупу. Представляете, кроха стояла перед ней на коленях! – Болотова с трудом перевела дыхание. – Это в голове не укладывается!

– Ирина Витальевна, это чудовищно, – Горлова отвернулась к окну. – Я даже представить такое не могу. Вы ведь знаете, до замужества я несколько лет работала воспитателем в детском саду. Я знаю, какими непослушными и упрямыми могут быть дети. Я знаю, как трудно бывает с ними. Но как бы ни было, на ребенка поднимать руку нельзя.

– А вот и ваш дом, – Болотова свернула во двор и остановила машину возле подъезда Горловых. – Передавайте Василию Львовичу привет.

– Спасибо вам, Ирина Витальевна, – Горлова вышла из машины. – Спасибо вам за участие!

– Меня благодарить не за что! Это вам нужно сказать спасибо! Вы берете на себя труд воспитать чужого ребенка.

- Соня нам не чужая, – покачала головой Горлова. – До свидания, Ирина Витальевна.
- Всего хорошего, Елена Ивановна. До скорого свидания.

Ее муж тем временем отдыхал на квартире у любовницы.

С работы он уехал пораньше, чтобы провести время с любимой женщиной и сыном. Впрочем, он занимал такую должность на медеплавильном заводе, что спросить с него было уже некому. Работал Горлов начальником отдела по охране труда и технике безопасности.

К Любе Стрекаловой он приезжал почти каждый день. Привозил продукты и сладости – баловал Егора. Только здесь он становился самим собой, не въедливым бюрократом или человеком в футляре, каким считали его многие, а Васей Горловым – вятским мужиком, предки которого по плечи росли в черную плодородную землю, а их потомков разбросало по всей Руси.

Уже шесть лет Василий Львович умудрялся скрывать от супруги свою связь. Но иногда его все же брало сомнение. И Горлову начинало казаться, что жена знает обо всем, но по каким-то причинам закрывает на происходящее глаза.

– Все что я делаю – делаю для вас, Люба, – говорил он любовнице. – Мне от жизни нужно немного. А в последнее время и вовсе кажется, что от жизни я взял уже все. Люба, я смотрю на сына и сам становлюсь моложе. И жду не дождусь того часа, когда смогу открыто назвать тебя женой, а Егора сыном!

– У папочки сегодня очень грустное настроение, – Люба обняла его. – А у нас с Егором денек прошел чудесно!

– Люба, как же я вас люблю! – проворковал Василий Львович, любуясь ею. – Нужно прожить мою тусклую и неинтересную жизнь, чтобы понять, как приятен каждый миг с любимыми. Я ведь этого никогда ей не говорил. Только тебе, Люба.

– А я уж думала, ты загрустил.

– Я так устал от вранья. Но бросить Лену вот так, тоже не могу. Подождем еще немного. Она возьмет племянницу на воспитание. А когда все устроится – я уйду от нее. Поделю имущество, я ей долю за квартиру отдам. Жить они все равно будут у Малаховых. А вы будете жить со мной!

– Вася, а нам это нужно? – вдруг спросила она. – Нас такая жизнь вполне устраивает.

– О чем ты говоришь?! Мы будем вместе, вместе! Только об этом я думаю и мечтаю! Наследник мой, сын!

Он подхватил Егора на руки и подбросил в воздух.

– Дядя Вася, дядя Вася! – заверещал тот. – А-а!

– Видишь?! – Горлов прижал Егора к себе и опустил его на пол. – Все скрываемся от людей. Прячемся! А я хочу, чтобы Егор меня отцом называл, а не дядей!

– Я тебя так понимаю, – улыбнулась Люба. – Завтра в деревню съездить хочу. Мама попросила приехать.

– Понятно, деньги нужны?

– Да, немного. Тысячи полторы³.

– Люба-Люба, – пробормотал Горлов, отсчитывая сотенные. – Ты уже успела забыть, как людям деньги достаются.

– Вася, это не мне. Это для Егора.

– Разумеется, ты просишь для Егора! Я в этом не сомневаюсь. Вот деньги. Постарайся не потратить за два дня.

Люба с улыбкой взяла из его рук несколько сотен.

³ Курс российского рубля 2003 года.

– Мне пора, – он со вздохом поцеловал ее. – Послезавтра выгадаю командировку двухдневную и денек проведу с вами.

– Вася, ты уже совсем седой стал, – Стрекалова погладила его. – Но я все равно люблю тебя и ждать буду.

Когда Горлов ушел, она прошла в ванную и сполоснула лицо водой.

Люба смотрела на себя в зеркало и чувствовала, как глаза наполняются слезами. Глядя на эту самоуверенную белокурую красавицу, невозможно было догадаться, что на самом деле творится в ее душе. В свое время жизнь ударила ее так больно, что сейчас она каждый шаг вымеряла, чтобы вновь не оказаться в той же топкой трясине.

– Господи, – прошептала она, чувствуя слезы на щеках. – Когда же это закончится?

В этот миг ей так хотелось сказать: "Жизнь – дерьмо!". Но в гостиной играл ее сынок. И она знала, что черные полосы рано или поздно заканчиваются. А мужчины и проблемы, связанные с ними, остаются позади. Но все что она наметила и делает день за днем, станет будущим.

Сколько Катя помнила себя, столько она помнила их соседку. А тетя Оля, женщина приветливая, бездетная, с непростым прошлым, любила соседских девочек как собственных детей. Катю, не говоря уже о младшей из сестер, она знала с самого рождения.

После гибели Малаховых-старших соседка зачастила к девочкам. К слову сказать, помощи от нее да от Шугурова они увидели больше, чем от всех своих родственников вместе взятых. Как ни храбрилась Катя, но житейского опыта и самых элементарных навыков у нее почти не было. До семнадцати лет с родителями она прожила как за каменной стеной. И неожиданно перед ней распахнулся мир житейских буден и неурядиц. Покупки в магазинах, стирка, готовка, и неотступная как тень мысль: завтра забот не станет меньше.

В то утро сразу после завтрака она села за работу – взялась составлять макет нового меню, которое накануне заказал Шугуров. На столе лежала папка с уже готовым заказом. За ними до шести часов вечера должен был прийти курьер из ресторана. За те полторы недели, что прошли с первого дня ее работы в качестве дизайнера шаблона, она уже успела усвоить некоторые навыки этого ремесла. Оказалось, что в ней были зачатки художественного восприятия на первый взгляд самых обыденных и незатейливых предметов обихода.

– Вот чистый лист, – негромко разговаривала она сама с собой, выводя на монитор макет меню. – Из него мы должны сделать царскую грамоту.

И она, терпеливо устраняя огрехи, делая и переделывая, придумывала довольно оригинальные комбинации различных геометрических рисунков.

Но все бросала, стоило только сестренке расплакаться или она отвлекала ее для игры. Готовка, стирка, элементарная забота о маленьком ребенке, на все это уходила львиная доля и дня и ночи. Благо, что соседка иногда забирала Соню и гуляла с ней по несколько часов кряду. Погода в то лето стояла прекрасная.

В это утро они тоже собирались на прогулку. Из коридора доносился голос тети Оли, она собирала Соню на улицу:

– Вот какие у нас брючки красивые! А башмачки у нас какие замечательные! Кто сейчас в песочнице будет играть?

– И это! – послышался требовательный голос Сони.

– И эту куколку мы с собой возьмем. И эту тоже возьмем... Вот видишь, как хорошо! Красавица ты моя, дай я тебя обниму!

В этот момент в прихожей раздался дверной звонок. Было хорошо слышно, как тетя Оля пошла открывать.

– Вот и курьер объявился, – машинально, вполголоса сказала Катя, продолжая дополнять фактурный рисунок деталями.

Она так увлеклась, что не заметила, как в комнате появился мотоциклист Артем – повар из ресторана Шугурова. Он несколько мгновений любовался ею. Потом легонько постучал по дверному косяку.

– Ой, это ты, – Катя, немного смущаясь, сняла очки.

– А тебе идет, – улыбнулся Артем. – Вообще, есть люди, которым все к лицу.

– Подлецу все к лицу! – усмехнулась Катя.

– Я даже пословиц таких не знаю, – он подошел ближе.

– Ты за меню? – спросила она.

– Да, сегодня курьер почему-то не пришел. Николай Андреевич попросил съездить к тебе. И еще вот это просил передать.

Он протянул ей новые вкладки с перечнем ресторанных блюд.

– Интересно, что ты сделал, чтобы курьер сегодня не появился? – уже не таясь, улыбнулась Катя.

– Это случайность! – со смехом отозвался Артем. – Стечение обстоятельств! Можно я на новые меню взгляну?

– Тебе это на самом деле интересно?

– Шутишь? Конечно, интересно. Неужели все это ты делаешь на компьютере?

– Нравится?

– Красиво. Можешь показать как?

Он сел рядом с Катей на корточки и стал внимательно наблюдать за ее манипуляциями.

А она поясняла:

– Вот видишь, это мы делаем вот так, а это вот так... А вот здесь добавим немного красного... Но ведь это совсем неинтересно. Особенно, когда смотришь со стороны. Вот когда сам этим занимаешься...

– Может я как-нибудь попробую?

– Катя! – донесся из коридора голос тети Оли. – Когда твой гость уйдет?

– У тебя очень строгая мама, – с улыбкой произнес Артем.

– Она мне не мама, – коротко ответила Катя. – Это наша соседка, тетя Оля. Наши родители погибли, – после короткой паузы добавила дрогнувшим голосом, чтобы больше не возвращаться к этому разговору.

– Прости меня, пожалуйста, – улыбка исчезла с лица Артема. – Я не знал. Правда, не знал... Выходит, что Александр Иванович... – он осекся.

– Мне тяжело говорить об этом.

– Молодой человек, мне еще долго вас ждать? – напомнила о себе тетя Оля.

– Знаешь, – вдруг порывисто сказал Артем. – Я хочу позвать тебя. Пригласить, то есть, прокатиться на мотоцикле, – теперь уже он улыбался смущенно. – Я специально приехал, чтобы... Ну, пригласить тебя. Ты ведь работу уже закончила. Я имею в виду меню на ближайшие дни. И у меня тоже выходной.

– Кофе хочешь? – вместо ответа спросила она.

– Не откажусь.

– Ты его хорошо знаешь? – шепотом спросила Катю соседка на кухне.

– Он у дяди Коли поваром работает. Мы в ресторане познакомились.

– Ты его хорошо знаешь?! – уже с нажимом повторила она.

– Тетя Оля, ты его глаза видела?

– Господи! Глаза... Только будь осторожней, милая моя... Вот и прекрасно! – уже нарочито громко произнесла она, подхватывая Соню на руки. – А мы пойдем гулять! Гули-погули! Гули-гули!

Катя помогла ей подвезти коляску к лифту и вернулась в квартиру.

Казалось, шальной теплый ветер пронизывает Катю насквозь, избавляет от страха и отчаянья. Мотоцикл урчал под ними как дрессированный зверь. Солнце било в глаза. Уши закладывало от плотного потока ветра. Катя улыбалась и знала, что точно также улыбается ее спутник. Мимо них стремительно проносились машины, уличные фонари, прохожие на тротуарах. И временами Кате казалось, что она сама становится вольным ветром. А потом город мелькнул россыпью светофоров и остался позади.

– Как будто на самом деле сто лет за городом не была, – у нее внезапно перехватило дыхание от горечи.

Они сидели на берегу неширокой реки. К их берегу течением намыло песчаную отмель. Но на другой стороне место было глубокое, там деревенские мальчишки с грохотом и визгом ныряли с мостков. Посреди поляны дымил костер, а велосипеды были свалены в кучу. За полянами лес взбирался по крутому кособоку.

Катя с Артемом только что вышли из воды, солнце еще не выпило с них воду. Но воздух уже нагрелся. От аромата лесных трав, цветов и речной свежести кружилась голова.

– Хорошо-то как! – Катя легла на траву.

– Потом спина от травы чесаться будет, – Артем сорвал соломинку.

– Ну и пусть, – Катя закрыла глаза. – Зато сейчас хорошо! Трава зеленым чаем пахнет. Хорошо так...

Артем пощекотал соломинкой кожу на ее животе. Она несколько раз отмахнулась, потом открыла глаза и толкнула Артема:

– Перестань, Тёмка!

В ответ он только рассмеялся и тоже лег.

– Тёма, а дома тебя как звали?

Он сразу помрачнел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.